

УДК 341.4; 343.46

DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(5).722-730

О ПРОБЛЕМАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ БАРЬЕРОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ РЫНКА УСЛУГ НА ЕДИНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Д. А. Курочкин^{1, 2}¹ Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация² Институт права БРИКС, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

27 октября 2017 г.

Дата принятия в печать

10 октября 2018 г.

Дата онлайн-размещения

8 ноября 2018 г.

Ключевые слова

Коррупция; Евразийский экономический союз; Конвенция ООН против коррупции; Евразийская антикоррупционная стратегия; административные барьеры; антикоррупционные стандарты; особые экономические зоны

Финансирование

Государственные задания Министерства образования и науки РФ № 29.10133.2017/5.1 и № 26.12267.2018/12.1 на выполнение научных работ по теме «Разработка предложений по совершенствованию законодательства государств — членов ЕАЭС, международно-правовой базы ЕАЭС и Таможенного союза в части либерализации (снижения рисков, устранения, преодоления) административных, фискальных и иных барьеров во исполнение Плана либерализации по сектору услуг по проведению научно-исследовательских работ и внедрению в области общественных и гуманитарных наук»

Аннотация. Договорно-правовой базой Евразийского экономического союза (ЕАЭС) предусмотрено создание единого экономического пространства и формирование единого рынка услуг в отсутствие каких-либо административных, фискальных и иных барьеров. Фактически доступ к рынку услуг ограничен различного рода барьерами, которые обладают коррупциогенными признаками. В статье раскрыто значение взаимодействия государств — членов ЕАЭС в сфере борьбы с коррупцией для целей экономической интеграции. Имплементация на уровне ЕАЭС стандартов Конвенции ООН против коррупции и иных глобальных инструментов значима в том плане, что позволяет упростить экономические интеграционные процессы путем преодоления имеющихся административных барьеров. Приведены примеры административных барьеров, препятствующих доступу на рынок услуг в условиях участия инвесторов в особых экономических зонах, в том числе при определении видов деятельности, осуществляемых в особых экономических зонах, при отборе проектов участников особых экономических зон и при оформлении договорных отношений между инвесторами и администрацией особой экономической зоны. Обобщены доктринальные позиции по вопросам взаимосвязи глобальных и региональных инструментов противодействия коррупции, изучено влияние коррупции на формирование единого экономического пространства, объем иностранных инвестиций и иные экономические аспекты региональной интеграции. Обозначена необходимость преодоления административных, фискальных и иных барьеров, имеющих коррупциогенные признаки, путем принятия Евразийской антикоррупционной стратегии как более гибкого документа, способного реализовать основные положения Конвенции ООН против коррупции в евразийских условиях и воспринять опыт построения региональной системы борьбы с коррупциогенными административными барьерами в правовом порядке АТЭС, ОЭСР, Совета Европы.

ON OVERCOMING CORRUPTION BARRIERS IN THE SERVICES' MARKET FORMATION IN THE COMMON ECONOMIC SPACE OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Denis A. Kurochkin^{1, 2}¹ Ural State Law University, Yekaterinburg, the Russian Federation² BRICS Law Institute, Yekaterinburg, the Russian Federation

Article info

Received

2017 October 27

Abstract. The contractual and legal basis of the Eurasian Economic Union (EAEU) provides for the creation of the common economic space and a common market of services without any administrative, fiscal or other barriers. In fact, access to the market

Accepted
2018 October 10
Available online
2018 November 8

Keywords

Corruption; Eurasian Economic Union; the United Nations Convention against Corruption; Eurasian Anticorruption Strategy; administrative barriers; anti-corruption standards; special economic zones

Acknowledgements

Sate tasks № 29.10133.2017/5.1 and № 26.12267.2018/12.1 of the Ministry of Education and Research of the Russian Federation for the Project «Development of Proposals to Improve Legislation of the EAEU Member States, the International Legal Base of the EAEU and the Customs Union Members in Terms of Liberalizing (Reducing Risks, Eliminating, Overcoming) Administrative, Fiscal and other Barriers in Pursuance of the Service Sector Liberalization Plan for Research and Development and their Implementation in Social and Human Sciences»

of services is limited by various barriers that possess corruption-generating properties. The paper describes the importance of cooperation between EAEU members in counteracting corruption with the purpose of economic integration. The implementation of the UN Convention against Corruption and other global instruments at the EAEU level is significant because it simplifies the processes of economic integration by overcoming the existing administrative barriers. The author discusses some administrative barriers that prevent investors working in special economic zones from accessing the service market, including those connected with determining the types of activities for special economic zones, selecting the projects of special economic zones' participants, drawing contractual agreements between investors and the administration of a special economic zone. The author also summarizes the doctrinal position on the interaction between global and regional instruments of counteraction corruption, studies the impact of corruption on the formation of the common economic space, the volume of foreign investment and other economic aspects of regional integration. He outlines the necessity of overcoming administrative, fiscal and other barriers that have corruption-generating properties by adopting the Eurasian Anticorruption Strategy as a more flexible document that could make it possible to implement the key clauses of the UN Convention against Corruption in the Eurasian conditions and use the experience of creating a regional system of counteracting corruption-generating administrative barriers in the legal systems of APEC, OECD and the Council of Europe.

Введение. Последние исследования факторов коррупции свидетельствуют о ее высоком уровне в глобальном и региональном масштабе. Об этой тенденции говорят результаты исследований международных организаций, занимающихся изучением проблем коррупции (Международного валютного фонда и международной организации Transparency International). Несмотря на возможные сомнения в объективности используемых данными организациями критериев определения коррупционных рисков, в том числе в разрезе отдельных стран, на текущий момент их исследования учитываются в качестве одного из основных индикаторов (факторов) при составлении банковских кредитных рейтингов государств тремя крупнейшими международными агентствами: Moody's Investors Service, Standard & Poor's и Fitch Ratings.

По данным Международного валютного фонда, коррупция ежегодно выводит из мировой экономики от 1,5 до 2,0 трлн дол., или 2 % мирового ВВП¹. Согласно Рейтингу стран по индексу восприятия коррупции, опубликованному

¹ Годовой отчет Международного валютного фонда за 2016 год // МВФ. 2017. С. 116. URL: http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/ar/2016/pdf/ar16_rus.pdf.

Transparency International в 2016 г.², государства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) имеют показатели уровня коррупции, близкие к максимальным: Белоруссия — 79-е место, Армения — 113-е, Казахстан — 132-е, Россия — 134-е, Киргизия — 137-е место.

В 2014 г. (год учреждения ЕАЭС) Белоруссия, Армения, Казахстан, Россия и Киргизия в индексе восприятия коррупции Transparency International занимали соответственно 113, 94, 126, 136 и 136-е места³.

Как видно, за три года функционирования ЕАЭС уровень коррупции в государствах — членах союза в целом не стал лучше (за исключением Белоруссии), что заставляет задуматься над эффективностью проводимой государствами ЕАЭС национальной и международной политики в сфере борьбы с коррупцией.

Отметим, что рост коррупции подрывает доверие ко всей политической системе, вклю-

² Corruption Perceptions Index 2016 // Transparency International. 2018. URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016.

³ Corruption Perceptions Index 2014: Results // Transparency International. 2018. URL: <https://www.transparency.org/cpi2014/results>.

чая политические партии и государственные учреждения, а также снижает уровень доверия к таким социальным институтам, как финансовые учреждения, иностранные инвесторы, некоммерческие организации и профсоюзы [1, р. 178]. Этот вывод важен, поскольку в нем подчеркиваются негативные последствия коррупции для развития разных экономических институтов и институтов гражданского общества, а не только тех, которые связаны или ассоциируются непосредственно с государством.

Кроме того, в ряде исследований доказано влияние уровня коррупции в стране, а также ее прогнозируемости на объем притока прямых иностранных инвестиций. Так, А. Куэрво-Казурра доказал, что основной путь большинства прямых иностранных инвестиций — из государств с высоким уровнем коррупции в государства с относительно меньшим уровнем коррупции [2]. Относительно низкий приток инвестиций (с учетом ряда других факторов) наблюдается в государствах, которые присоединились к Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок [там же] (это соответствует обозначенному в литературе мнению о большей эффективности данной Конвенции в плане исполнимости наказаний за подкуп должностных лиц из юрисдикций, присоединившихся к Конвенции, нежели из тех юрисдикций, которые к Конвенции не присоединились [3]). Кроме того, объем инвестирования в регионы с высоким уровнем коррупции также снижается в случае плохой прогнозируемости размера взяток и неопределенности относительно их получателя, например в случае частой смены лиц, руководящих регионом [4].

Таким образом, борьба с коррупцией является как внутригосударственной задачей каждого члена ЕАЭС, так и общей задачей союза, в том числе в свете построения единого экономического пространства, устранения препятствий для движения товаров/работ/услуг, развития конкуренции и инвестиций. При этом ЕАЭС еще не разработал специальных нормативных положений, направленных на противодействие коррупции, а современные возможности государств ЕАЭС (правовые, организационные, идеологические, материальные и др.) в противостоянии коррупции, по мнению ряда исследователей, недостаточно эффективны [5].

В связи с этим Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Пра-

вительстве РФ, а также многими авторами предлагается разработать концепцию Евразийской антикоррупционной стратегии: формирование евразийских антикоррупционных стандартов позволит, с одной стороны, извлечь лучшие элементы из международного и европейского опыта антикоррупционной борьбы, с другой стороны, защитить национальные интересы государств ЕАЭС с учетом особенностей их национальных правовых систем [6, с. 131, 134; 7–10].

Взаимосвязь нормативно-правовой базы ЕАЭС с иными международными инструментами противодействия коррупции. Говоря о текущем регулировании ЕАЭС с учетом поставленных перед ним задач, крайне важно обеспечить нормативно-правовую базу ЕАЭС гарантиями, исключающими наличие в национальных административных, конкурентных и иных процедурах коррупциогенных факторов и необоснованных барьеров, определяющих доступ к рынку услуг исходя из произвольных и оценочных соображений.

Согласно ст. 66 Договора о Евразийском экономическом союзе⁴, в целях обеспечения свободы торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций государства — члены ЕАЭС проводят поэтапную либерализацию условий взаимной торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций. Государства — члены ЕАЭС стремятся к созданию и обеспечению функционирования единого рынка услуг в максимальном количестве секторов услуг.

Приложение 16 к указанному документу устанавливает дополнительные гарантии создания единого рынка услуг, под которым понимается состояние рынка услуг в рамках конкретного сектора, в котором каждое государство-член предоставляет лицам любого другого государства-члена право на поставку и получение услуг без ограничений, изъятий и дополнительных требований за некоторым исключением.

Одновременно с этим государства ЕАЭС должны следовать международным стандартам борьбы с коррупцией, определенным в первую очередь в Конвенции ООН против коррупции⁵

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. : (в ред. от 8 мая 2015 г.) // СПС «Консультант-Плюс».

⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : принята ре-

(далее — Конвенция). К ней присоединились все государства ЕАЭС, что создает необходимые предпосылки для более четкой и единообразной имплементации в национальное законодательство государств ЕАЭС и нормативно-правовую базу ЕАЭС стандартов Конвенции.

Конвенцией устанавливаются принципы предупреждения коррупции и противодействия ей (ст. 5), общие требования к системе публичных закупок (ст. 9), особенности правоохранительной деятельности в области борьбы с коррупцией (гл. III), основы международного сотрудничества (гл. IV) и ряд других принципов и стандартов.

Важным положением Конвенции является ст. 5, в которой закрепляется необходимость государств-участников в надлежащих случаях и в соответствии с основополагающими принципами своих правовых систем взаимодействовать друг с другом и с соответствующими международными и региональными организациями в ходе разработки мер по предупреждению коррупции и противодействию ей, а также в процессе содействия их осуществлению. Это взаимодействие может включать участие в международных программах и проектах, направленных на предупреждение коррупции (ч. 4 ст. 5 Конвенции).

Таким образом, Конвенцией предусмотрена ключевая предпосылка для продолжения антикоррупционной политики на региональном (интеграционном) уровне, как это имеет место, например, в Африке⁶, в странах, входящих в ОЭСР⁷, Совет Европы⁸, на американских континентах⁹. В частности, отмечается не только возможность введения региональных стандартов борьбы с коррупцией, но и необходимость их применения совместно с Конвенцией ООН против коррупции исходя из ее общего смысла и глобальной координирующей роли [11].

золюцией 58/4 Генер. Ассамблеи ООН 31 окт. 2003 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Конвенция Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней от 12 июля 2003 г. [Электронный ресурс] // Там же.

⁷ Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г. [Электронный ресурс] // Там же.

⁸ Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию Совета Европы от 27 января 1999 г. [Электронный ресурс] // Там же.

⁹ Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией от 29 марта 1996 г. [Электронный ресурс] // Там же.

С учетом изложенного устранение административных барьеров на едином экономическом пространстве ЕАЭС будет преследовать одновременно две цели — способствовать интеграции в евразийском регионе и снижать коррупциогенные риски на основании стандартов Конвенции ООН против коррупции. В указанном случае акты региональной интеграции и глобальный стандарт ООН, хотя и имеют различное предназначение, при совместном применении в целях снятия административных барьеров будут давать некий синергетический эффект.

Отметим также, что, несмотря на всеобщее признание Конвенции ООН против коррупции в качестве наиболее глобального и основополагающего документа в этом вопросе, в науке высказываются опасения относительно того, в какой степени Конвенция сможет сыграть координирующую роль в долгосрочной перспективе: если государства — участники Конвенции ограничатся лишь формальным приведением своего законодательства в соответствие со стандартами Конвенции без сопутствующего реформирования правоохранительной и судебной системы, то цели Конвенции не будут достигнуты, а ее стандарты де-факто не будут восприниматься как общепризнанные [12, р. 226]. С учетом этого обоснованного замечания, на наш взгляд, реализация потенциала Конвенции возможна в большей степени в интеграционных образованиях с помощью антикоррупционных стандартов регионального уровня как документов более гибкого действия, учитывающих специфику интеграционных процессов, а также политические, социально-экономические и культурные особенности участников интеграции. Тем более что интеграционные процессы, как правило, затрагивают практические аспекты реализации нормативно-правовых норм, принимаемых органами интеграции.

Как отмечено в литературе, интеграционные экономические процессы предполагают гармонизацию законодательства государств ЕАЭС не только в сфере экономики, но и по иным правовым вопросам, в связи с чем было предложено унифицировать антикоррупционное законодательство [13, с. 49] и принципы государственной закупки товаров (работ, услуг) в государствах ЕАЭС [14, с. 330].

Проблемы преодоления коррупционных барьеров на едином экономическом пространстве ЕАЭС. Процесс евразийской интеграции

еще продолжается, ее промежуточные итоги будут видны только к 2021 г., когда предполагается завершить формирование единого рынка услуг по отдельным секторам услуг¹⁰. Также не следует считать завершенным процесс имплементации в нормативно-правовую базу ЕАЭС стандартов ООН по борьбе с коррупцией.

Вместе с тем на текущий момент существуют проблемы доступа к рынку услуг на пространстве ЕАЭС, которые вызваны отсутствием единых антикоррупционных стандартов ЕАЭС и наличием в национальном законодательстве государств ЕАЭС прямых и косвенных барьеров, препятствующих участию в закупочных и иных публичных процедурах всех потенциальных исполнителей услуг. Также анализ сложившейся в настоящее время в странах ЕАЭС ситуации позволяет выделить негативное влияние органов власти на конкурентную среду, в том числе в виде косвенных барьеров, которые вводятся под видом контрольных функций государства [15, с. 403].

Обратимся к некоторым примерам коррупциогенных условий доступа к рынку услуг, в частности в условиях особой экономической зоны.

Так, в Российской Федерации действует Федеральный закон «О свободном порте Владивосток» от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ. Указанный закон не содержит перечня видов деятельности, которые осуществляются резидентами этой территории (СПВ). Между тем, согласно ст. 6 данного закона, виды предпринимательской деятельности, которые не вправе осуществлять резиденты СПВ, определяются решением наблюдательного совета СПВ; последний вправе определять виды предпринимательской деятельности, при осуществлении которых не применяются отдельные меры государственной поддержки предпринимательской деятельности.

Указанные нормы обладают коррупциогенными признаками, поскольку устанавливают для правоприменителя (наблюдательного совета СПВ) необоснованно широкие пределы усмотрения и чрезмерную свободу подзаконного нормотворчества (принятие нормативно-правового акта за пределами компетенции).

Во-первых, обеспечение единства экономического пространства и свободы экономи-

ческой деятельности, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств относится к полномочиям Правительства Российской Федерации¹¹.

Во-вторых, ч. 5 ст. 6 Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ содержит перечень видов деятельности, которые недопустимы на территории особой экономической зоны. При этом Правительство РФ может определять иные виды деятельности, осуществление которых не допускается в особой экономической зоне (ч. 6 ст. 6 закона). Также право устанавливать виды деятельности, запрещенные на территории специальных экономических зон, предоставлено Комиссии Таможенного союза (с 2011 г. — Евразийской экономической комиссии) на основании ст. 5 Соглашения по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны (заключено в Санкт-Петербурге 18 июня 2010 г.).

Таким образом, наблюдательный совет СПВ фактически наделен полномочиями, которые не были ему делегированы в установленной законодательной форме. Произвольное наделение наблюдательного совета СПВ полномочиями, которые закреплены за Правительством Российской Федерации и Евразийской экономической комиссией, представляет собой явный коррупциогенный фактор, который создает условия для необоснованного регулирования сферы деятельности особой экономической зоны ненадлежащим субъектом и административный барьер, препятствующий допуску тех или иных лиц в число резидентов особой экономической зоны.

Кроме того, в научной литературе уже обращалось внимание на юридико-лингвистическую неопределенность другого полномочия наблюдательного совета СПВ, предусмотренного ч. 2 ст. 7 Федерального закона «О свободном порте Владивосток» от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ [16]: «Мониторинг экономических процессов на территории свободного порта Владивосток, а также рассмотрение и принятие мер, направленных на развитие субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, улучшение инвестиционного и предпринимательского климата, соблюдение

¹⁰ Об утверждении планов либерализации по секторам услуг, указанным в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 30 [Электронный ресурс] : решение Высш. Евраз. экон. совета от 26 дек. 2016 г. № 23 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ О Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. конституц. закон РФ от 17 дек. 1997 г. № 2-ФЗ. Статья 14 // СПС «КонсультантПлюс».

баланса интересов граждан, проживающих на территории свободного порта Владивосток, и предпринимателей».

Понятия «инвестиционный климат», «предпринимательский климат» или признаки термина «климат» законодательно не установлены, термин «баланс интересов» имеет оценочный характер. В силу этого полномочия наблюдательного совета СПВ носят коррупциогенный, неопределенный характер, так как потенциально необоснованные действия и решения этого органа могут быть объяснены содержательно неопределенными и абстрактными целями.

Существенные условия соглашения об осуществлении деятельности на территории СПВ также конкретным образом не определены. Часть 4 ст. 13 закона «О свободном порте Владивосток» устанавливает: «Соглашение об осуществлении деятельности при необходимости содержит другие права и обязанности сторон». Данная формулировка является коррупциогенной и допускает возможность злоупотребления правом со стороны управляющей компании при формулировании договорного статуса сторон в силу юридико-лингвистической неопределенности термина «при необходимости».

Другое проявление выборочного изменения объема прав и обязанностей сторон по соглашению об осуществлении деятельности на территории СПВ закреплено в ч. 4 ст. 13 закона: «В соглашении... могут быть указаны иные действия резидента свободного порта Владивосток и (или) управляющей компании, признаваемые сторонами существенным нарушением условий соглашения об осуществлении деятельности». При этом перечень таких условий закреплен в ч. 3 этой же статьи, а анализируемая норма лишь позволяет вводить исключения из общего режима по усмотрению управляющей компании.

Выше приведены лишь немногие законодательные положения, которые прямо или косвенно могут создать необоснованные барьеры в плане доступа хозяйствующих субъектов к деятельности в особой экономической зоне.

В законодательстве других государств ЕАЭС также присутствуют подобные коррупциогенные барьеры. Представляется необходимым с помощью евразийского антикоррупционного стандарта сформировать общие подходы к их устранению и преодолению.

Например, при отборе проектов заявителей на осуществление деятельности в качестве

участника специальной экономической зоны в Республике Казахстан установлены основные и дополнительные критерии¹². Как один из дополнительных критериев обозначено «продвижение аналогичных проектов в регионах, не являющихся регионами реализации проекта». Однако в данном случае недостаточно определен признак аналогичности проекта, который может толковаться широко и на произвольной основе не допускать к участию в специальной экономической зоне лиц, осуществляющих похожие по тематике и форме реализации проекты.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О свободных экономических зонах Республики Беларусь» от 7 декабря 1998 г. № 213-З договор об условиях деятельности в свободной экономической зоне может быть продлен соглашением сторон (ст. 20). Администрация свободной экономической зоны вправе отказать в продлении срока договора, при этом основания для такого отказа прямо не предусмотрены. В указанном случае также присутствует коррупциогенный признак, поскольку администрация свободной экономической зоны может применить произвольное основание для отказа в продлении срока договора, тем самым отобрав определенный круг участников свободной экономической зоны.

Аналогичные проблемы доступа на рынок услуг характерны и для других структур регионального сотрудничества, в том числе в рамках АТЭС [17], ОЭСР и СЕ, чей опыт, безусловно, необходимо учесть при разработке стандарта.

В свете изложенного следует признать необходимость разработки и принятия Евразийской антикоррупционной стратегии (евразийского антикоррупционного стандарта), в которой целесообразно предусмотреть, в частности, следующие положения:

- о наделении Евразийской экономической комиссии функциями по реализации антикоррупционной политики в евразийском регионе и координации деятельности государств ЕАЭС по противодействию коррупции (с одновременным внесением соответствующих дополнений в Договор о Евразийском экономическом союзе);
- об определении общих положений антикоррупционной политики на евразийском про-

¹² Об утверждении правил и критериев отбора проектов : приказ Респ. Казахстан от 31 дек. 2015 г. № 1293 // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=84539.

странстве (цели, задачи, понятийный аппарат, принципы, сфера реализации и т. д.);

– об определении компетентных органов государств ЕАЭС, а также заинтересованных органов ЕАЭС, участвующих в обмене информацией, процедурах международного контроля и процедурах международного мониторинга по вопросам противодействия коррупции;

– о международных инструментах правовой помощи в предупреждении, расследовании и пресечении коррупционных правонарушений между государствами ЕАЭС;

– о правовых и организационных механизмах взаимодействия государств ЕАЭС (их уполномоченных органов) и органов ЕАЭС по реализации на евразийском пространстве антикоррупционных конвенций, действующих под эгидой различных объединений (ООН, ОЭСР, Совет Европы, СНГ и т. д.);

– о способах, сроках и порядке приведения национального законодательства государств ЕАЭС в соответствие с международными антикоррупционными нормами;

– о методологии и порядке проведения антикоррупционной экспертизы действующих и принимаемых на уровне ЕАЭС и государств ЕАЭС нормативно-правовых актов, поправок к указанным нормативно-правовым актам;

– о механизмах выявления коррупциогенных условий доступа на евразийский рынок товаров, работ, услуг с учетом целей и общих принципов евразийской интеграции, устранения выявленных коррупциогенных условий и последствий их соблюдения (подробнее об этом в следующем разделе статьи);

– о направлениях совершенствования международных антикоррупционных инструментов и их адаптации к специфике правовых систем, законодательства, уровню экономического и социального развития государств ЕАЭС.

Евразийская антикоррупционная стратегия должна быть включена в договорно-правовую базу ЕАЭС (возможно, в качестве отдельного приложения к Договору о ЕАЭС) и иметь юридическую силу международного договора, гарантирующего реализацию государствами ЕАЭС взятых на себя международных обязательств в сфере противодействия коррупции (если же придать стратегии силу рекомендательного акта, государства ЕАЭС могут столкнуться с трудностями его исполнения и использования в отсутствие правовых механизмов, обеспечивающих единообразие данных процессов в

отношении международных норм рекомендательного характера).

Евразийская антикоррупционная стратегия должна стать основополагающим системообразующим документом, на основании и во исполнение которого будет развиваться право ЕАЭС и внутригосударственное законодательство государств ЕАЭС о противодействии коррупции, а также обеспечиваться формирование единых рынков и единого экономического пространства ЕАЭС в отсутствие административных, фискальных и иных барьеров, имеющих коррупциогенные признаки.

Выводы. Конвенция ООН против коррупции имеет глобальный и основополагающий характер, но ее реализация по всему миру зависит от эффективности антикоррупционной политики в региональных (интеграционных) образованиях, в том числе ЕАЭС, которые должны реализовать потенциал Конвенции ООН против коррупции через региональные антикоррупционные стандарты.

Кроме того, для повышения эффективности антикоррупционной политики желательно принятие иных глобальных инструментов. Так, высказывается мнение о том, что в целях реализации ст. 5 Конвенции ООН против коррупции и повышения ее эффективности необходимо сформировать еще один международный стандарт — стандарт антикоррупционного социального контроля с учетом международных правовых актов и научных исследований [18, с. 9], предусматривающий встраивание институтов гражданского общества и бизнес-сообщества в механизм противодействия коррупции [19, с. 10].

Общие усилия государств ЕАЭС в области борьбы с коррупцией также будут способствовать интеграционным процессам на евразийском пространстве, устраняя имеющиеся и предупреждая потенциальные барьеры, затрудняющие формирование общего рынка услуг и доступ к нему, а также стимулированию иностранных инвестиций в экономику государств ЕАЭС, повышая ее привлекательность как честной и прозрачной [20, с. 71].

Коррупциогенные признаки отдельных норм национального законодательства государств ЕАЭС будут препятствовать доступу к рынку услуг ЕАЭС до тех пор, пока не будут приняты меры по их преодолению и сглаживанию в рамках предлагаемой к принятию Евразийской антикоррупционной стратегии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Habibov N. Sand or grease? Corruption-institutional trust nexus in post-Soviet countries / N. Habibov, E. Afandi, A. Cheung // *Journal of Eurasian Studies*. — 2017. — Vol. 8, iss. 2. — P. 172–184. — DOI: 10.1016/j.euras.2017.05.001.
2. Cuervo-Cazurra A. Who Cares about Corruption? / A. Cuervo-Cazurra // *Journal of International Business Studies*. — 2006. — Vol. 37. — P. 803–822.
3. Celentani M. Combating Corruption in International Business Transactions / M. Celentani, J.-J. Ganuza, J.-L. Peydro // *Economica*. — 2004. — Vol. 71, № 283. — P. 417–448.
4. Samphantharak K. Predictable Corruption and Firm Investment: Evidence from a Natural Experiment and Survey of Cambodian Entrepreneurs / K. Samphantharak, E. J. Malesky // *Quarterly Journal of Political*. — 2008. — Vol. 3. — P. 227–267.
5. Тогузакова Д. Коррупция и страны ЕАЭС в борьбе с ней / Д. Тогузакова, Г. Т. Ищанова // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal)*. — 2016. — Т. 7, № 4. — С. 168–172.
6. Морозов А. Н. Противодействие коррупции в государствах — членах Евразийского экономического союза: международно-правовое и внутригосударственное регулирование / А. Н. Морозов // *Журнал российского права*. — 2016. — № 7 (235). — С. 129–141.
7. Трунцевский Ю. В. Правопорядок и коррупция: современные вызовы / Ю. В. Трунцевский, Д. Х. Гехова, О. В. Муратова // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. — 2016. — № 4 (59). — С. 51–68.
8. Иванов Э. А. Антикоррупционный комплаенс-контроль в странах БРИКС / Э. А. Иванов. — М. : Юриспруденция, 2015. — 136 с.
9. Каширкина А. А. Антикоррупционные мониторинговые механизмы в деятельности международных организаций на универсальном и региональном уровнях / А. А. Каширкина, А. Н. Морозов // *Журнал российского права*. — 2014. — № 10. — С. 125–138. — DOI: 10.12737/5804.
10. Рафалюк Е. Е. Юридическая наука в поиске правовых механизмов противодействия коррупции / Е. Е. Рафалюк, Н. В. Власова // *Журнал российского права*. — 2012. — № 7. — С. 43–68.
11. Snider T. R. Corruption through International Law in Africa: A Comparative Analysis / T. R. Snider, W. Kidane // *Cornell International Law Journal*. — 2007. — Vol. 40, № 691. — P. 692–748.
12. Webb P. The United Nations Convention against Corruption: Global Achievement or Missed Opportunity? / P. Webb // *Journal of International Economic Law*. — 2005. — № 8 (1). — P. 191–229.
13. Хлус А. М. Антикоррупционное законодательство в странах ЕАЭС и перспективы их экономического развития / А. М. Хлус // *Современные евразийские исследования*. — 2016. — № 3. — С. 44–49.
14. Москалевич Г. Н. Общие принципы государственных закупок товаров, работ, услуг в законодательстве стран Евразийского экономического союза об антимонопольном регулировании / Г. Н. Москалевич // *Актуальные проблемы юриспруденции в современной России : сб. ст. по материалам 5-й Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Н. В. Иванцовой, Н. М. Швецова*. — Йошкар-Ола, 2015. — С. 325–331.
15. Москалевич Г. Н. Борьба с коррупцией в монополистической деятельности в условиях евразийской интеграции / Г. Н. Москалевич // *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Руденко*. — Екатеринбург, 2016. — С. 400–410.
16. Горян Э. В. Теоретические и практические проблемы антикоррупционной экспертизы законодательства (на примере Федерального закона от 13.07.2015 № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток») / Э. В. Горян // *Административное и муниципальное право*. — 2015. — № 12. — С. 1208–1214.
17. Сравнительный анализ регулирования сферы государственных закупок в экономиках АТЭС / М. Баева [и др.] // *Вестник АТЭС*. — 2016. — № 4 (02). — С. 26–41.
18. Хабриева Т. Я. Социальный контроль и противодействие коррупции / Т. Я. Хабриева // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. — 2017. — № 4 (65). — С. 5–10.
19. Хабриева Т. Я. Коррупция и правопорядок в фокусе современной юридической доктрины / Т. Я. Хабриева // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. — 2016. — № 4 (59). — С. 5–13.
20. Ступаков В. И. Антикоррупционная политика ЕАЭС и СНГ в обеспечении экономической безопасности и благоприятного инвестиционного климата / В. И. Ступаков // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. — 2015. — № 2 (3). — С. 67–71.

REFERENCES

1. Habibov N., Afandi E., Cheung A. Sand or grease? Corruption-institutional trust nexus in post-Soviet countries. *Journal of Eurasian Studies*, 2017, vol. 8, iss. 2, pp. 172–184. DOI: 10.1016/j.euras.2017.05.001.
2. Cuervo-Cazurra A. Who Cares about Corruption? *Journal of International Business Studies*, 2006, vol. 37, pp. 803–822.
3. Celentani M., Ganuza J.-J., Peydro J.-L. Combating Corruption in International Business Transactions. *Economica*, 2004, vol. 71, no. 283, pp. 417–448.
4. Samphantharak K., Malesky E. J. Predictable Corruption and Firm Investment: Evidence from a Natural Experiment and Survey of Cambodian Entrepreneurs. *Quarterly Journal of Political*, 2008, vol. 3, pp. 227–267.
5. Toguzakova D., Ishchanova G. T. Corruption in the EAEU countries and fighting it. *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal)*, 2016, vol. 7, no. 4, pp. 168–172. (In Russian).
6. Morozov A. N. Combating Corruption in the Eurasian Economic Union Member States: International Legal and Domestic Regulation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2016, no. 7 (235), pp. 129–141. (In Russian).
7. Truntsevskii Yu. V., Gekhova D. Kh., Muratova O. V. Law and order and corruption: present-day challenges. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2016, no. 4 (59), pp. 51–68. (In Russian).

8. Ivanov E. A. *Antikorrupsionnyi kompliens-kontrol' v stranakh BRIKS* [Anticorruption Compliance Control in BRICS Countries]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2015. 136 p.
9. Kashirkina A. A., Morozov A. N. Anti-Corruption Monitoring Mechanisms in Activities of International Organizations at Universal and Regional Levels. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2014, no. 10, pp. 125–138. DOI: 10.12737/5804. (In Russian).
10. Rafalyuk E. E., Vlasova N. V. Legal science in search of legal mechanisms of counteracting corruption. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2012, no. 7, pp. 43–68. (In Russian).
11. Snider T. R., Kidane W. Combating Corruption through International Law in Africa: A Comparative Analysis. *Cornell International Law Journal*, 2007, vol. 40, no. 691, pp. 692–748.
12. Webb P. The United Nations Convention against Corruption: Global Achievement or Missed Opportunity? *Journal of International Economic Law*, 2005, no. 8 (1), pp. 191–229.
13. Khlus A. M. Anti-corruption legislation in the countries of the EAEU and the prospects for their economic development. *Sovremennye evraziiskie issledovaniya = Contemporary Eurasian Studies*, 2016, no. 3, pp. 44–49. (In Russian).
14. Moskalevich G. N. General principles of procurement of goods, works, services in the anti-monopoly regulation legislation of the EAEU countries. In Ivantsova N. V., Shvetsov N. M. (eds.). *Aktual'nye problemy yurisprudentsii v sovremennoi Rossii. Materialy 5-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Topical Problems of Jurisprudence in Modern Russia. Materials of 5th All-Russian Research Conference]. Yoshkar-Ola, 2015, pp. 325–331. (In Russian).
15. Moskalevich G. N. Fighting corruption in the monopolist activities in the conditions of Eurasian integration. In Rudenko V. N. (ed.). *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti protivodeistviya korruptsii* [Topical Problems of Research Support of the State Policy of the Russian Federation in Corruption Counteraction]. Yekaterinburg, 2016, pp. 400–410. (In Russian).
16. Goryan E. V. Theoretical and practical issues of anti-corruption expertise of legislation (using the example of the Federal Law of July 13, 2015 № 212-ФЗ «On the Free Port Vladivostok»). *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and Municipal Law*, 2015, no. 12, pp. 1208–1214. (In Russian).
17. Baeva M., Zaitsev Yu., Orlova A., Ponomareva O. A comparative analysis of regulating procurement in APEC economies. *Vestnik ATEC = APEC Bulletin*, 2016, no. 4 (02), pp. 26–41. (In Russian).
18. Khabrieva T. Ya. Social control and anti-corruption. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2017, no. 4 (65), pp. 5–10. (In Russian).
19. Khabrieva T. Ya. Corruption and legal order in the focus of modern legal doctrine. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2016, no. 4 (59), pp. 5–13. (In Russian).
20. Stupakov V. I. Anti-corruption Policy of the Eurasian Economic Union and the CIS in Ensuring Economic Security and a Favorable Investment Climate. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo = International Cooperation of Eurasian Countries: Politics, Economy and Law*, 2015, no. 2 (3), pp. 67–71 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курочкин Денис Алексеевич — преподаватель кафедры финансового права Уральского государственного юридического университета, младший научный сотрудник Института права БРИКС, г. Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: den.al.kurochkin@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kurochkin, Denis A. — Lecturer, Chair of Financial Law, Ural State Law University, Junior Researcher, BRICS Law Institute, Yekaterinburg, the Russian Federation; e-mail: den.al.kurochkin@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Курочкин Д. А. О проблемах преодоления коррупционных барьеров при формировании рынка услуг на едином экономическом пространстве Евразийского экономического союза / Д. А. Курочкин // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 5. — С. 722–730. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(5).722-730.

FOR CITATION

Kurochkin D. A. On overcoming corruption barriers in the services' market formation in the common economic space of the Eurasian Economic Union. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 5, pp. 722–730. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(5).722-730. (In Russian).